

ЗЛОЙ ДУХЪ

А 158
846

В. АВСѢНКО.

ЗЛОЙ ДУХЪ

РОМАНЪ

81 1/2 347

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Авсѣенко, Чернышевъ пер., д. № 2/в.

1890.

I.

огда поѣздъ подходитъ къ станціи, противъ
самаго вокзала бросается въ глаза большая бар-
ская усадьба. Домъ—на половину каменный, на-
половину деревянный, старый и очевидно запущенный;
но и по размѣрамъ, и по архитектурѣ сейчасъ можно
признать въ немъ одно изъ тѣхъ важныхъ и затѣй-
ливыхъ помѣщичьихъ гнѣздъ, какія заводились только
въ прежніе годы, при совершенно иныхъ условіяхъ де-
ревенской жизни и дворянскаго существованія.

Если вы зайдете въ вокзалъ и поговорите съ на-
чальникомъ станціи, или съ вѣчно заспаннымъ теле-
графистомъ, или даже съ буфетчикомъ, злобно огляды-
вающимъ свои нестѣденные пирожки и подернутые га-
зовою копотью майонезы, вы тотчасъ замѣтите, что
владѣлецъ усадьбы пользуется въ своей мѣстности чрез-
вычайнымъ уваженіемъ и даже поклоненіемъ. Можетъ
быть вы встрѣтите и его самого, кушающаго въ вок-
залѣ телячью головку или разсолникъ съ гусинымъ
потрохомъ и тешкою, и по обращенію съ нимъ всего
желѣзно-дорожнаго персонала тотчасъ поймете, что
предъ вами особа съ весьма значительнымъ вѣсомъ.
Но фамилія его — Пустобрюховъ. Человѣкъ съ такою
фамиліей очевидно не могъ быть устройтелемъ этого

старого дворянского гнѣзда, въ которомъ до сихъ поръ каждое окно глядитъ хотя съ кислымъ, но все еще какъ бы барственнымъ выраженіемъ.

И дѣйствительно, Волчій Долъ принадлежитъ купцу Пустобрехову лишь съ самаго недавняго времени. Въ теченіи по крайней мѣрѣ двухъ столѣтій онъ составлялъ отчину и дѣдину столбоваго дворянскаго рода Волчець-Соколинскихъ. Имя это читается въ лѣтописяхъ и въ старѣйшихъ грамотахъ; при чемъ въ московской Руси Волчець-Соколинскіе считались выходцами изъ Литвы, а на Литвѣ—выходцами изъ Москвы. Въ XVII вѣкѣ ихъ было много, и преимущественно въ томъ порубежномъ краю, который то придвигался къ Окѣ и къ днѣпровскимъ верхамъ, то опять отодвигался на югъ и на западъ, смотря по тому, чья сторона „клонилась подъ грозою“, по выраженію Пушкина. Въ слѣдующемъ столѣтіи сохранилась ужь одна только младшая отрасль рода, утвердившаяся въ Волчьемъ Долѣ; прочія мало-по-малу исчезли, словно растаяли отъ соприкосновенія съ новыми порядками, съ дубинкою великаго Петра, съ бироновскими застѣнками и съ обжигающимъ блескомъ екатерининскаго двора. Родъ Волчець-Соколинскихъ былъ вообще упрямый, старобычный, и всякая новизна дѣйствовала на него разлагающимъ образомъ.

Процессъ медленнаго, но непрерывнаго таянія привелъ къ тому, что послѣ „великой битвы народовъ“, въ которой нашли смерть двое Волчець-Соколинскихъ, остался всего-на-всего только одинъ представитель этого имени, Григорій Никитичъ. Французская граната, убившая двумя осколками отца и старшаго брата, сдѣлала его единственнымъ владѣльцемъ Волчьяго Дола, т.-е. по тогдашнему счету безъ малаго двухъ тысячъ

душъ. Пятнадцатилѣтній властелинъ окончилъ подѣ опекою дальняго родственника свое „домашнее“, впрочемъ довольно солидное образованіе, затравилъ съ необычайною пышностью нѣсколько сотенъ зайцевъ и дикихъ козъ, и достигнувъ наконецъ совершеннолѣтія, уѣхалъ въ Петербургъ. Онъ былъ упрямъ, гордъ и неглупъ, и какъ всѣ Волчець-Соколинскіе, отличался какою-то сухою страстностью, привлекавшею нѣкоторыхъ и отталкивавшею многихъ. Въ Петербургѣ однако ему не понравилось: въ тогдашнихъ гостиницахъ, наполненныхъ щеголеватыми представителями недавно вернувшейся гвардіи, греческими бѣглецами и мистиками всѣхъ церквей и національностей, онъ чувствовалъ себя какъ-то не у мѣста, а къ господствовавшему въ разговорахъ либеральному піэтизму не умѣлъ подладиться. Онъ и въ мозгу, и въ крови носилъ запоздалую закваску екатерининскаго вѣка, жажду эгоистическихъ наслажденій, стремленіе къ чему-то внѣшнегероическому, къ тому, что заставляетъ играть кровь, а не нервы. Съ декабристами онъ не только не сошелся, но даже возненавидѣлъ ихъ, возненавидѣлъ физіологически, за то что они, принадлежа къ одному съ нимъ поколѣнію, щеголяли совсѣмъ другими идеалами, за то что они отрекались отъ жизни, которою онъ хотѣлъ насладиться. Онъ однако лѣтъ пять мотался въ Петербургѣ, пользовался успѣхами и терпѣлъ неудачи, и относился къ тѣмъ и къ другимъ съ равнодушіемъ очень гордаго, въ сторонѣ стоящаго характера. Одно время онъ даже интересовалъ собою Пушкина, но такъ какъ не умѣлъ скрыть своей зависти къ нему, то отношенія ихъ скоро охладѣли.

Въ самомъ началѣ новаго царствованія Григорій Никитичъ, неожиданно для самого себя, влюбился въ

одну изъ блестящихъ звѣздъ большаго свѣта, влюбился глупо и дико, зная что она любитъ другаго. По его склонной къ насилію натурѣ, ему можетъ быть даже понравилось, что она любитъ другаго, потому что этотъ другой сидѣлъ за толстыми стѣнами каземата... Цѣлый годъ продолжалась мучительная драма. Дѣвушка выплакала всѣ слезы, хотѣла ѣхать за женихомъ, хотѣла наложить на себя руки, уйти въ монастырь. Ей не позволили. Отецъ со дня катастрофы запретилъ проносить у себя въ домѣ имя того, кого она любила. Григорій Никитичъ самъ весь измучился, самъ не понималъ этой дикой страсти, этого необъяснимаго наслажденія, доставляемаго муками и слезами; точно отравленный какимъ-то невѣдомымъ ядомъ, онъ только чувствовалъ, что все больше любитъ это исхудалое, измученное лицо, эти прозрачные отъ слезъ глаза, вглядывающіеся въ него съ изумленіемъ, почти съ ужасомъ. Минутами на него самого находило ощущение ужаса; онъ кидался на цѣлыя недѣли въ необузданный разгулъ, и выходя изъ него даже безъ головной боли, пожималъ плечами и говорилъ самъ себѣ, что должно быть онъ только и можетъ страстно любить при такихъ безсмысленныхъ условіяхъ. Наконецъ согласіе было получено; Григорій Никитичъ обвинчался и въ тотъ же день распростился навсегда съ Петербургомъ, увозя съ собою въ деревню молодую жену.

Какъ сложилась тамъ ихъ необычно и насильно связанная жизнь, это составляетъ интимную повѣсть, въ которую никому не удавалось проникнуть. Молодые жили открыто и что-называется весело. Григорій Никитичъ охотно позволялъ выбирать себя въ предводители, давалъ блестящіе праздники, по зимамъ даже переѣзжалъ въ губернскій городъ. Онъ былъ все такой

же красивый, гордый, все также упрямо глядѣли его сѣрые глаза, все та же равнодушно-презрительная усмѣшка холодила его страстные губы. Но преждевременная сѣдина въ вискахъ и новая выразительная складка между бровями заставляли догадываться о какой-то горечи, подмѣшавшея къ его насильно завоеванному счастью. Замѣчали, что въ его глазахъ не было прежняго устремленнаго куда-то впередъ выраженія, что неуловимый блескъ сбѣжалъ съ его лица. Черезъ пять лѣтъ жена его умерла, оставивъ на его попеченіе трехъ-лѣтняго сына. На фамильномъ кладбищѣ за церковью появилась новая плита съ рядами бронзовыхъ буквъ и цифръ, огороженная невысокою чугункой рѣшеткой. Надъ этою могилой, по тремъ сторонамъ, до сихъ поднимаются три чудные вяза, краше которыхъ нѣтъ кажется въ цѣломъ краѣ, и такъ загадочно, тихо и темно подъ этими вязами, какъ будто здѣсь только притаилась, но не отлетѣла какалято еще не конченная жизнь...

Григорій Никитичъ перенесъ несчастье со свойственною ему твердостью духа, и почти ни въ чемъ не измѣнилъ образа жизни. Маленькій Гриша росъ, учился, и наконецъ былъ отосланъ въ пажескій корпусъ, куда его приняли въ память дѣда, убитаго въ лейпцигскомъ побоищѣ. Самъ Григорій Никитичъ отвезти его не пожелалъ, такъ какъ даже воспоминаніе о Петербургѣ было ему ненавистно.

Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени прошло еще долгихъ тридцать пять лѣтъ, и Григорій Никитичъ превратился въ дряхлаго восьмидесятилѣтняго старика. Много событій случилось за это время въ Волчьемъ Долѣ и въ семейной хроникѣ Волчецъ-Соколинскихъ. Изъ Гриши выросъ красивый молодой человѣкъ. Съ